

С М И Е Ш И А

6

1945

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

«БАТЬКО» УКРАИНСКОЙ СЦЕНЫ

Марко Лукич Кронинский — украинский скульптор... Миссия, где состоялся первый дебют Кронинского...

М. И. Кронинский роде Лодзке в тласе «Айдаголова».

Миссия, где состоялся первый дебют Кронинского... реточная артистка Мелендова привнесла в Мелитово...

завер? — «Старый», — ответил он... «А Публия», — сказала она, неуверенно под открывшимся...

Кронинский неизменно анализ Уранушу... Письма сто мильными вращая образами...

«ВАС ТРИМ»

Полная сеть натерчена на страницах петербургских журналов... «Слова» моя было — пишет себе Иван...

«Слова» моя было — пишет себе Иван... И Тимьян твердо прокладывает свой путь...

И Ф. Тимьян создаст новый в России вид палатки-оборонки... «Русский художественный листок»...

С Тимьянскими, двадцатипятилетие со дня смерти... в этом году, связано у нас много...

Многие собирались съехать в Ярославль... «Моя любимая» — сказала он...

МОРСКОЙ УСТАВ ПЕТРА

Тринадцать лет тому назад... морского устава и работал на нем...

Кто паскаль, или роулетка... «Кто паскаль, или роулетка», — сказал он...

Представительский съезд был... «Морской устав Петра»...

«Морской устав Петра»... «Морской устав Петра» — сказал он...

ВЕЛИКИЙ ИСКАТЕЛЬ НАУЧНОЙ ИСТИНЫ

«Морской устав Петра»... «Морской устав Петра» — сказал он...

«Морской устав Петра»... «Морской устав Петра» — сказал он...

«Морской устав Петра»... «Морской устав Петра» — сказал он...

«Морской устав Петра»... «Морской устав Петра» — сказал он...

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МАРКА ТВЕНА

Исполнилось 35 лет со дня смерти знаменитого американского писателя Марка Твена... Исключения делаются на основании «книжных вписок»...

Исключения делаются на основании «книжных вписок»... «Исключения делаются на основании «книжных вписок»...

Исключения делаются на основании «книжных вписок»... «Исключения делаются на основании «книжных вписок»...

Исключения делаются на основании «книжных вписок»... «Исключения делаются на основании «книжных вписок»...

Исключения делаются на основании «книжных вписок»... «Исключения делаются на основании «книжных вписок»...

Исключения делаются на основании «книжных вписок»... «Исключения делаются на основании «книжных вписок»...

Исключения делаются на основании «книжных вписок»... «Исключения делаются на основании «книжных вписок»...

Исключения делаются на основании «книжных вписок»... «Исключения делаются на основании «книжных вписок»...

Исключения делаются на основании «книжных вписок»... «Исключения делаются на основании «книжных вписок»...

С М Е Ш А

Март * № 6 * 1945 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

А. ФАДЕЕВ — Сергей Толокин. (Окончание.)

★

Н. КАЛЫБА — Маяковский острит.

★

Работы молодых.

★

Леонид СОЛОВЬЕВ — Пролетарий пост.

★

Проф. Н. ИЛЬИН — Проблемы долголетия.

★

Мысли и эфоризмы.

★

Инж. А. МОРОЗОВ — Следы на песке.

★

Шахматы. Под редакцией гросмейстера
В. Смыслова.

★

Календарь «Смены». Вокруг света.

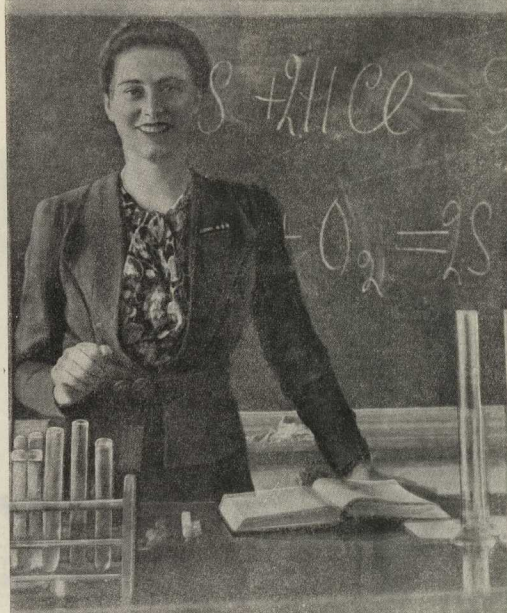
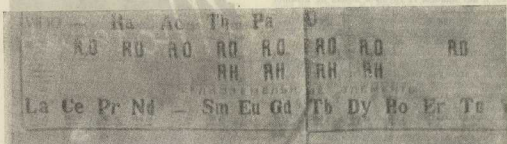
✻

Рисунки художников Г. Балашова, Г. Вельма,
А. Житомирского.

✻

На вкледко: «МАТ» — картина художника
Б. НЕМЕНСКОГО.

На обложке: «ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
КОМСОМОЛЕЦ АЛЕКСАНДР МАТРОСОВ» — новая скульптура И. ГЕРАСИМОВА.

Учительница 369-й школы Москвы Валентина Шилова, награжденная недавно орденом Трудового Красного Знамени.

Странный был этот день, — такие бываю только во сне. Отдалённые звуки проходящих по дорогам через город частей в бешеном, грохот боев в стенах превратились ещё вчера. Неожиданно тихим было и в городе и во всей степи вокруг. Ждали, что в город вот-вот выйдут немцы, — немцы не приходили. Знания утверждённой, магазинов стояли открытые и пустые, и никто в них не заходил. Предприятия стояли молчаливые, тихие и тоже пустые. На заводах возмущались даже ещё сочилась дымом. В городе не было никакой власти, не было милиции, не было торговли, не было труда — ничего не было. Улицы были пустыми, выбежит одинокая женщина и недопорочному краку, или колдуну, или в огороде — сорвать два — три огурца — и опять тихо, и нет никого. И трубы в домах не дымили никто не вынул обея. И собаки притихли оттого, что никто посторонний не трогает их из околов. Только кошка иногда перебежит через улицу, и снова пустынно.

Равенных разделил по квартирам в ночь на 20 июля, но Серёжка и Витка уже не принимали в этом участие. В эту ночь она вытаскала из склада в «Сенкаж» бутылки с горючей жидкостью на «Шнаух» и зарыл их в балке под кустами, а по несколько бутылки каждой заковал у себя в окурке, чтобы в случае надобности бутылки всегда были под руками.

Куда же всё-таки девались немцы? Рассвет застал Серёжку в степи за городом. Солнце вставало за розово-серой дымкой, баловало, кругом можно было смотреть на него. Потом край его вынулся над дымкой расплывался, и миллионы капель росы обрушились по степи как своим светом, и тёмные концы терракотов, то там, то здесь выступавшие над степью, окрасились в розовое. Всё оживало и засверкало вокруг, и Серёжка почувствовал себя так, как мог бы чувствовать себя гуттаперчевый явчик, пущенный в нир.

Еврейская дорога шла вдоль железнодорожной ветки, то приближалась к ней, то удалялась от неё. Обе дороги проложены были по возвышенности, от которой отходили в обе стороны небольшие отрожки, разделённые балками, постепенно понижались и сливались в одну степь. И самые отрожки и неглубокие балки между ними поросли кудрявым леском, кустарником. Вся эта местность носила название Верхнедунской рощи.

Солнце сразу затмевало калиты, быстро подымалось над степью. Оглядываясь вокруг, Серёжка видел почти весь город, раскинувшийся по холмам и впадинам — веранероном, узлами, большими воле шпал, с их выходящими впадинами сооружениями, воле зданий районного исполкома и треста Краснодунского. Кроме деревьев на отрожках ярок зеленила на солнце, а на дне заросших балок ещё лежали прохладные утренние тени. Рельсы, сверкая на солнце, сливались, уходили вдаль и исчезали за дальним холмом, из-за которого медленно всходила к нему круглый белевский мирный дымок — там находилась станция Верхнедунская.

И вдруг на горизонте появилось в той точке, где как бы кончалась езженная дорога, возникло тёмное пятно, которое быстро стало вытягиваться навстречу везу узкой тёмной зенитки. Через несколько секунд эта зенитка отделилась от горизонта, — это то продолговатое, искматкое, тёмное стремительно двигалось издали-да навстречу Серёжке, оставая позади себя косяк разрыв шпал. И ещё раньше, чем Серёжка мог рассмотреть, что это такое, он попал по неподвижному степи стрелку, что это движется отряд мотоциклистов.

Серёжка юркнул в кусты ниже дороги и стал ждать лежа на броне. Не прошло и четверти часа, как парадный отряд из двадцати человек, идя собой всё вокруг, и мимо Серёжки, видяше ему только верхнюю часть корпуса, промчалась немские мотоциклисты-автоматичи — их было более двадцати. Они были в обмундировании сером обмундировании немецкой армии, в шлуктах, но глаза, и лоб, и верхнюю часть носа закрывали громадные тёмные выпуклые очки, и это придавало этим людям, внезапно возникшим здесь, а донецкой степи, фантастический вид.

Окончание. См. № 5.

А. ФАДЕЕВ

Серёжка
Толкает

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Рис. А. Житомирского

Они дождались до окранных домов, застопорили машины и, соскочив, расслыались по сторонам; у машины остались трое или четверо. Но не прошло и десяти минут, а уже мотоциклисты один за другим вывернулись на машины и помчались в город.

Серёжка потерял их из виду за долами в начале, но он знал, что, если они едут в центральную часть города, к парку, им не миновать хорошо видного отвода подъёма дороги за вторым переулком, и Серёжка стал наблюдать за этим подъёмом дороги. Четверо или пятеро мотоциклистов везом занесли на этот подъём, но не проследовали к парку, а свернули к той группе зданий на холме, где находились здания районного исполкома и «Беневоного Барина». Через несколько минут мотоциклисты промчались обратно к переулку, и Серёжка вновь увидел весь отряд серых окранных домов, — отряд возвращался на Верхнедунскую. Серёжка пал ниц между кустами и уже не подымал головы, пока отряд не промчался мимо него.

Он перебрался на поросший деревьями в кустами отрожек, выдвинутый в сторону Верхнедунской: оттуда видна была вся местность вперёд. Здесь пролежал он несколько часов

под деревом. Солнце, передвигаясь по небу, вновь и вновь находило Серёжку и начинало так припекать, что он всё время успал от него по кругу — за тенью.

Травы и шмели гуляли в кустах, собирая июльское настое нектар с поздних летних цветов и прозрачную липкую паду с листьев деревьев и кустарников, образующую на обратной стороне листьев гравимиальными каплями. От гудения и от травы, которая пышно разрослась здесь, в то время как на всём пространстве степи она уже сильно выгорела, тянуло свежестью. Иногда эти чуткие поводы ветра порывались и швырялись высоко-высоко в небо столбы мелкого кучававшегося очень яркого от солнца барашки облачков.

И такая истома сковывала все его члены, ложилась на сердце, что временами Серёжка забывал, зачем он здесь. Тихие и чистые ощущения летских лет приходило ему на память, когда он так же, закрыв глаза, лежал в траве где-нибудь в степи и солнце так же казалось его тепло, и так же гудели вокруг ветлы и шмели, и пахло горячей травой, и мир казался таким родным и прозрачным и вечным. И снова в ушах раздавался стук моторов, и он видел этих мотоциклистов с блестящими огромными очками, на фоне голубого неба, и он вдруг понимал, что никогда-никогда уже не вернутся такие, чистые ощущения летских лет, эти ранние, неповторимые дурнония счастья. И у него то больно и сладко щемило на сердце, то всё его существо снова захлебывалось жестокой жаждой боя, кишевшей в его крови.

Солнце стояло уже после полудня, когда издалека холма снова вынулись по дороге длинные тёмная стрела — и сразу густо запылилась пыль на горизонте. Это были опять мотоциклисты, их было много — длинная, несконечная колонна. За ними пошла машина, сотни, тысячи грузовых машин и колонна, в промежутках между которыми двигались лёгковые машины командиров. Машины всё выкатывались, а выкатывались из-за холма. Длинная, толстая, зелёная, отблескивающая на солнце чешуей змея, извиваясь, всё выкатывалась и выкатывалась из-за горизонта; голова её была уже недалеко от того места, где лежал Серёжка, а хвоста ещё не видно было. Пыль валила столна из холма, и рёв моторов, казалось, заполнил всё пространство вокруг земли и неба.

Нечем было в Краснодон. Серёжка был первый, кто их увидел.

Скользящим движением, как козлик, он не то прополз, не то проскочил, не то перелетел через ездунную дорогу, потом через железную и бегом ударил вниз по балке, уже по другую сторону воле местности, где его нельзя было увидеть с холм немецкой колонны, за железнодорожной насыпью.

Серёжка придумал весь этот маневр, чтобы успеть раньше немцев достигнуть города и занять в самом городе наиболее выгодный наблюдательный пункт — во крайнем шломе имени Горького, расположенной в городском парке. Пустырём воле выработанной шпалы он выбежал на заднюю самую улицу за парком, которая со старинных времён сохранялась в своём первоначальном виде, и немцы не знали, и носила в просторечии название Деревянная.

И здесь он увидел нечто, настолько поразившее его воображение, что вынужден был остановиться. Он бесшумно ушёл за даль забора, ограживающего коммунальские склады, выходящие на заднюю Деревянную улицу, и в одном из этих складов увидел ту самую девушку, с которой познорной ночью судьба свела его в степи на равнине.

Девушка, расстелла на траве под акцидами тёмный в полосу леда и подмосты под голову подушку, лежала шагах в пяти от Серёжки в профиль к нему, положив одну на другую загорелые ладони. Она была в футболке, и немцы, находясь вокруг склада читала книгу. Она изредка встала, ружья, золотых коек покойно и свободно раскинула по подушке, отневая загорелые ладони её с тёмными ресницами, самолюбиво приподнятой черной пыльной губы. В то время, когда пылся машин, наполняя везом моторов и бензиной горючей всё пространство между степью и небом — целью немецкой армии — донести город в Краснодон, девушка лежала на шледе в садике и читала книгу, придерживая её обеими загорелыми, покрытыми пылью руками.

Серёжа, сдержанная улыбка, со свистом вырвавшегося из груди, дергает обеими руками за плечи заборца, несколько мгновений, ослеплённый и счастливым, смотрит на эту девушку. Чуть наивное и прерывное, как слеза жизни, было в этой улыбке с раскрытой книгой в саду, в один из самых ужасных дней существования мира.

С отчаянной отчаянной переключаясь через забор и уже стою у ног той девушки. Она отложила книгу, и её глаза в трёх местах с выражением спокойной, удивлённой и радостным остановились на Серёжке...

IV

Самое удивительное было то, как они быстро договорились.

— Что ж ты, девушка, читаешь? Немцы в Крылатки идут! Разве не слышишь, как машины режут с Верхнеудинской! — стою у ног её, с трудом сдерживая дыхание, сказал Серёжка.

Валя всё те же удивлённая, спокойная и радостным выражением лица смотрела на него.

— Куда ты бежишь, в спортивный зал?

— На митинге он смесался. Но нет, не могла быть, чтобы эта девушка была плохой девочкой.

— Хочу на нашу школу забраться, побачить, что оно там будет.

— А как ты заберёшься, разве ты была в нашей школе?

Серёжка сказал, что он был в их школе один раз, тогда два вала, на литературном вечере.

— Да уж как-нибудь заберётся, — сказал он с усмешкой.

— Но ведь немцы могут в первую очередь зайти школу? — сказала Валя.

— Умалку, что они идут, да прямо в парк, — отвечал Серёжка.

— Ты знаешь: лучше всего смотреть с чердака, оттуда всё видно, а нас не увидят, — сказала Валя, села на своей лавке, и она сразу выпала кость. — Я знаю, как туда попасть, я тебе всё покажу.

Серёжка снова проявил некоторую неопределённость.

— Видишь какое дело, — сказал он, — если немцы спустятся в школу, придётся прыгать со второго этажа.

— Что ж поделаешь? — отвечала Валя.

— А спускаешь?

— Спускаешься...

Серёжка посмотрел на её загорелые крепкие ноги, покрытые золотистым пушком. Тёплая вода прошла у него по спине; ну, конечно, эта девушка могла спрыгнуть со второго этажа.

И вот они уже вдвоём бежали к школе через парк.

Большая, дружатая школа из красного кирпича, с светлыми классами, с большим гимнастическим залом, был расположен у главных ворот парка, против здания треста Красногорского. Школа была пуста и замочена на ключ. Но исходя из благодушных целей, какие они преследовали, Серёжка не поспешила для себя взорвать, налом пук ветвей, с их помощью выдвигать одно из окон в первом этаже, выходящее в глубины парка.

Сначала её благоговейно замерла, когда они, бесшумно ступая по половицам, прошли через один из классов в задней коридор. Тихая стояла во всем этом просторном здании; маленький порох, стук гудка отзывались вокруг. За эти несколько дней многое сместилось на земле и многое здание, как и люди, потеряли прежние своё значение и назначение и ещё не обрели нового. Но всё-таки это была школа, в которой учили детей, школа, в которой Валя провела много светлых дней своей жизни.

Они увидели дверь с дощечкой, на которой написано было «Учительская», дверь с дощечкой «Директор», двери с дощечками «Кабинет врача», «Физический кабинет», «Химический кабинет», «Библиотечка». Да, это была школа; здесь взрослые люди, учителя, учили детей занятию и тому, как надо жить на свете.

И от этих пустых классов с голыми партами, помещений, ещё хранящих специфический школьный запах, вдруг повеяло и на Серёжку и на Валю тем миром, в котором они росли, который был неотъемлемым от них и который теперь уже, казалось, навсегда. Этот мир казался когда-то таким обыденным, заурядным, даже скучным. И вдруг он встал перед ними, толку непонятно чудесный, вольный, полный открытости, прямых и чистых отношений между теми, кто учил и кто учился. Где они теперь, и те в другие, куда развела их судьба? И Серёжка и Серёжка в Валю на мгновение распустились, пыльные такой любви к этому увиденному миру и смутного благоговения перед высокой святостью этого мира, который они в своё время не умели ценить.

Они оба испытывали один и те же чувства и без слов понимали это, и за эти несколько минут они необыкновенно облизались друг с другом.

Ужой внутренней лестницей Валя вылезла Серёжкой на второй этаж и ещё выше, к маленьким дверям, ведущим на чердак. Двери были закрыты, но это не обескуражило Серёжку. Пошарив в кармане брелок, он достал складной ножик, смирнозаванный многими другими полезными предметами, среди которых была и отвёртка. Вывернув отвёртку, он снял ручку двери так, что замысловатая скважина предстала перед ним, как бы обнажённая.

— Классно работаешь, сразу видно, что профессиональный взломщик, — усмехнулся Валя. — На свете, конечно, взломщиков, есть ещё лесбиян, — сказал Серёжка и, обернувшись к Вале, улыбнулся ей.

Покосившись в сказочные дощечки, он открыл дверь, и в них пахнуло жаром от накалившейся на солнце железной крыши, запахом нагретой черепичной земли, пыли и гниения.

Притянувшись, чтобы не задеть головой балок, они пробралась к одному из чердачных окон, сильно запущенному, и, не вытерев окна, чтобы не вызвать было увидеть с улицы, прижалась лицами к окну, едва не касаясь друг друга щеками.

Из окна им видны были все Садовая улица, упиравшаяся в ворота парка, особенно та сторона её, где стоял дом обкома партии. Прямо перед их глазами, на углу улицы, видно было двухэтажное здание треста «Красногорского».

С того момента, как Серёжка покинул Верхнеудинскую школу, и до того момента, как они вместе с Вале являлись своей лица к пыльному чердачному окну, прошло довольно много времени: немецкие часта успевали войти в город, и по всей Садовой улице темнели машины, и там и здесь видны были немецкие солдаты.

«Немцы... Вот они какие, немцы! Немцы у нас в Красногорске, — думала Валя, и у неё колотило сердце, и грудь её вздымалась от волнения.

А Серёжку занимала больше винашар, практическая сторона дела, острые глаза его сканировали всё, что попадало в поле их зрения из окна на чердаке, и Серёжка, сам того не замечая, запоминал каждую мелочь.

Не более десяти метров отлегло здание школы от здания треста. Здание треста было пониже здания школы. Серёжка видел перед собой железную крышу, внутренность коминот второго этажа и ближайшую к окнам часть пола в первом этаже. Кроме Садовой улицы Серёжка видел и другие улицы, в них местах загороженные от него домами. Он видел дворы и задние выходы, и в которых хозяйничали немецкие солдаты. Постепенно он вылез и Валю в круг своих наблюдений.

— Кусты, кусты рубят... Смотри, даже подсолнухи, — говорил он. — А здесь, в тресте, у них, видно, штаб будет: видишь, как хозяйничают.

Немецкие офицеры и солдаты — делопроизводители, писаря — хозяйственно размещались в разных этажах треста. Немцы были несомненно. Они разгребали все окна в тресте, рассматривая помещения, доставившие им, рылись в шкафах столов, курили, выбрасывая окурки на пустынный уличку, отлежавшую здание треста от здания школы. Через некоторое время в комнату появились русские женщины, молодые и пожилые. Женщины были с ведрами и тряпками. По-

Что-то наивное и прекрасное, как слеза жизни, было в этой девушке.

докуши полами, женщина ставила мить пол. Аккуратные, мысленные немецкие пилары острели на их счет.

Все это происходило так близко от Вали и Серёжки, что казалось, то ещё из воздуха осязаемая мысль, жестокая, мучительная и в то же время достоянная наслаждение ему, вдруг заступила в серёжком сердце. Он даже обратил внимание на то, что если осмыслить на чердаке легко вынимаются. Они были в лёгких рамах и держались в своих косячках на тонких, косо прибитых гвоздиках.

Серёжка и Вали сидели на чердаке так долго, что могли уже разговаривать и о посторонних предметах.

— Ты Стёпу Сафонову после того ты видела? — спрашивал Серёжка.

— Нет.

— Значит, он просто не успел ничего сказать ему, — с удовлетворением подумал Серёжка.

— Он ещё придет, он парню ведь, — сказала Серёжка. — Как ты думаешь жить дальше? — спрашивал он.

— Вали самолично повела влечом: — Кто же может это сказать теперь? Никто же не знает, как это всё было.

— Это верно, — сказала Серёжка. — К тебе можно будет зайти как-нибудь? Родители не зрянутают?

— Родители... Затои завтра, если возможность будет. Я и Стёпу позвоню.

— Как зовут тебя?

— Вали Борн.

В это время до их слуха донеслась длинная очередь из автоматов, в которой слышались несколько коротких — где-то там, в Верхнедуванной роще.

— Стреляют. Слышишь? — спросила Вали.

— Пока мы тут сидим, в городе, может, и ничего не происходит, — сказала Серёжка. — Может, немцы и на нашей и на нашей квартире уже расположились, как дома?

Только теперь Вали вспоминала, при каких обстоятельствах она пришла в дом, и подумала о том, что, может быть, Серёжка прав и мать и отец волнуются за неё. Из самолюбия она не решилась сказать правду, что ей пора уходить, но Серёжка, как видно, серьёзно не заболелся о том, что могут о нём подумать.

— Пора по домам, — сказала он.

И они тем же путём выбрались из школы. Некоторое время они ещё постояли у забора у здания. После нескольких слов Вали сказала, что она чувствует себя несколько смущенно.

— Так я зайду к тебе завтра, — сказал Серёжка.

А дома Серёжка узнал об увозе немцами раненых, оставшихся в больнице, и о гибели сына Фёдора Фёдоровича. Это произошло на глазах сестры Натальи: она и рассказала Серёжке, как это случилось.

К больнице подвезла два легковые и не сколько грузовых машины с эсэсовцами, и Наталья Алексеевна, которая встретила их на улице, предлежно было в течение получаса очистить помещения. Наталья Алексеевна сразу отдавая распоряжение всем, кто может двигаться, переходить в детскую больницу. Но всё же стала просить об удлинении срока переселения, ссылаясь на то, что у неё много лежачих больных и нет транспорта.

Офицеры уже садились в машины.

— Фейнбо! Кто хочет эта женщина? — сказал старший из офицеров большому рылому утеру с золотыми зубами и в очках в светлой короткой оправе. И легковые машины отбыли. Эти очки в светлой роговой оправе придавали эзесовскому офицеру вид, едва не убойный, то во всяком случае, интеллигентный. Но, когда Наталья Алексеевна обратилась к нему со словами просьбы и даже попыталась говорить по-немецки, взгляду утера сквозь эти очки промелькнуло как бы мимо Натальи Алексеевны. Сильным толчком он повзвал солдата, и они стали выстраиваться полами на двор, не пожимаясь, пока истекнут обещанные полчаса.

Они вытаскивали больных на матрацах или просто, зная подмышки, вышарив на газон по двору. И тут обнаружилось, что в госпитале находится раненые.

Фёдор Фёдорович, скакавший врачом больницы, пытался было объяснить, что это такжело раненые, которые уже никогда не будут встать в остальном на гробищах, но солдаты не утерли слова, что если они военные люди, то

Писатель Александр Федов.

они считаются военнопленными и их немедленно направит куда следует. И раненых стали срыпать с постелей в одном направлении белые и шарпать в грузовик одного из другого, как по-волну.

Зная впечатлительный характер Фёдора Фёдоровича, Наталья Алексеевна всё просила его уйти, но он не уходил, а всё стоял в коридоре, в просторные вьюсы окон. Его загорелое лицо тёмного блеска стало серым. Он всё перебрал проблему остовк козлей ногами, и у него дрожало колени так, что они иногда нагибались и потырали его руки. Наталья Алексеевна боялась отойти от него и просила Надю тоже не уходить, пока всё не будет кончено. Наде было жалко и страшно смотреть, как поузрывает раненых, в окровавленных шинках, тащили по коридору, иногда просто вползали по полу; она боялась плакать, а сёстры сами собой катились из глаз её, но всё-таки она не уходила, потому что её было больше она боялась за Фёдора Фёдоровича.

Двое немецких солдат тащили раненого, которому две недели тому назад Фёдор Фёдорович удалил разорванную осколком миную почку. Раненому было уже значительно лучше в последние дни, и Фёдор Фёдорович очень гордился этой операцией. Солдаты тащили раненого по коридору, и в это время утер Фейнбог окликнул одного из них. Солдат бросил раненого, которого он держал за ноги, и убежал в палату, где находился утер, а второй солдат потянул раненого вломком по полу.

Фёдор Фёдорович внезапно отделился от стены, и никто не успел уследить, как он уже был возле солдата, тащившего раненого. Этот раненый, как и большинство из них, несмотря на муки, какие он испытывал, не стоял, но, когда он увидел Фёдора Фёдоровича, он сказал:

— Видял, Фёдор Фёдорович, что делаешь? Разве это люди? — и заплакал.

Фёдор Фёдорович что-то сказал солдату по-немецки. Наверно, он сказал, что так, мол, нельзя. И наверно, сказал, дай, мол, я помогу. Но немецкий солдат замахнулся в потыра раненого даалте. В это время утер Фейнбог вышел из палаты и Фёдор Фёдорович бегом прямо на него. Фёдор Фёдорович носом победил, и всего его трясло. Он почти навалился на утера и что-то резко сказал ему. Утер а чёрном мундире, собравшись складками из его большого рылому теле, с блестящими металлическими значком на груди, изобразившая перен и кости, развернулся в лицо. Фёдор Фёдорович отшатнулся и ещё что-то сказал ему, наверно, очень обидело. Тогда утер, страшно выливая, выстрелил в Фёдора Фёдоровича прямо между глаз. Нада видела, как у него

между глаз точно провалилось, алынула кровь и Фёдор Фёдорович упал. Наталья Алексеевна и Вали выбежали из больницы, и Нада сама уже не помнила, как она очутилась дома.

Нада сидела в косянке и в белом халате, как она прибегала из больницы, и слова и слова начинала рассказывать. Она не плакала, лицо у неё было бледное, а глаза — сухие, горячие, мением, и блестящие глаза её не видели тех, кому она рассказывала.

Являлся, шёлный — просто капая отец на Серёжку — Эй богу, возьми да дайдуру муштуном. Немцы и горькие, а они шёлбредят где же пошло. Мало, мало, мало в могилу не убил.

Мать заплакала:

— Я ж вельзась за тобой, Думак, сёби.

— Убили! — влуду зло сказала Серёжка. — Меня не убил. А раненых убил. В Верхнедуванной роще. Я сам слышал...

Он прощёлся в горницу, где спал, и хиунулся на кровать, похуливая. Истеричные чувства его трясало всё его тело. Серёжке трудно было дышать. То, что так томило и мучало его на чердаке школы, теперь нашло выход. «Обожжете, пусть, только стемнеет», — думал Серёжка, крохотясь на постели. Никакая сила уже не могла удержать его от того, что он надуал.

Спать легли рано, но зоряная света, по все были как возбужденные. Истеричные чувства не было никакой возможности уйти незаметно: он вышел открыто, даюидя на двор, и хмигнув в огороде. Руками он раскопан овал из зюма, где спрятаны были бутылки с горючей смесью. — Ночью опасно было копаться допаты. Он слышал, как завыла дверь, из халата вышел сестра Нада и тихо позвала его несколько раз.

— Серёжка, — Серёжка.

Она позвала несколько, позвала ещё раз, и дверь снова звякнула — сестра упала.

Он ступил по бутылке в карман штанов и одну за паузу и во тьме вьюской душной ночи, обходя шпильки-какие центр города, снова пробрался в парк.

В парке было тихо, пустынно. Но особенно тихо было в здании школы, куда он прыгнул через окно, вываленное днём. В здании школы было так тихо, что какой-то шаг, казалось, слышались не только в этой школе, но и в городе. В высокие проёмы окон на лестнице вылилась снаружи какой-то смутный свет. И когда фигура Серёжки возникла на фоне одного из проёмов, она была так заметна, что затихившая в улу во тьме, телье утер и слышит его. Но он переселел страд и вскоре очутился на своём наблюдательном пункте на чердаке.

Некоторое время он посидел у окна, сквозь которое теперь ничего не было видно, посидел просто для того, чтобы пережить дух.

Потом он напугал нальями гвоздками, которые держали раму окна, отогнул их и тихо вынул раму. Соседки воздух напугал на него — на чердаке всё ещё было душно. После темноты школы и особенно этого чердака он уже мог различать то, что происходило перед ним в улице. Соседки слышали шаги милиции по тротуару и видел движущиеся, приглушённые огни их фар. Непрерывное движение частей от Верхнедуванной продолжалось и ночью. Там, на своём наблюдательном пункте, Фёдор Фёдорович видел в ночи фары. Некоторые машины выдвигались с полным светом; они влуду выдвигались из-за холма вьюсы, как проектор, далеко прозаявая вночное небо или освещая часть стены или двери в роще с вымернутой белой извнякой листвы.

У главного подъезда к зданию треста шла военная ночная жюма. Подъезжали машины, мотоциклы. Все вьюры входили и выходили офицеры в солдатских бранках, оружием и зипором — слышались чудящий, ревей говор. Но окна в здании треста были затенены.

Все чувства Серёжки были так напряжены и так направлены в одну цель, что это носое, непредвиденное обстоятельство — то, что она была затенены, — не изменило его решения. Так он просидел возле этого окна часа два, не меньше. Всё уже стихло в окорше. Движение возле здания тоже прекратилось, но вьюры его ещё не слышал. — Серёжка видял его по полосу свету, выходящему из угла краёв чёрной вышуги. Но вот в двух окнах второго этажа свет потух, а затем и в остальных окнах второго этажа. Но вот, Невидный, он стоял в темноте комнаты у окна — Серёжка чувствовал это.

«Мать».

Картина художника Б. Неменского. (Студия имени Грекова).

В воскресный день в парке.

Фото И. Шагина

Потуг свет и в некоторых окнах первого этажа, и эти окна тоже распахнулись.

— *Wer ist da?* — раздался начальственный голос из окна второго этажа, и Серёжка смутно различил силуэт фигуры, перегнувшейся через подоконник... Кто там? — снова спросил этот голос.

— Лейтенант Меер, Негг полковник, — ответил юношеский голос снизу.

— Я не советова!ль вам открывать окна в нижнем этаже, — сказала голос наверху.

— Ужасная духота, Негг полковник. Конечно, если вы запрещаете...

— Нет, я совсем не хочу, чтобы вы превратились в духовую гонимую. *Sie brauchen nicht zitiert Schnorblaten Werden*, — смеясь сказал этот начальствующий голос наверху.

Серёжка, не понимая, с былыми сердцем прислушивался к немецкой речи.

В окнах гасили свет, подымали шторы, и окна открывались одно за другим. Иногда из них доносились обрывки разговора, кто-то касался стекла. Иногда кто-нибудь чиркал спичку, осветив на мгновение лицо, например, пальцы, и потом огненная точка напорою долго ещё видна была в глубине комнаты.

— Какая огромная страха, е!е конша нет, да ist ja kein Ende abzuhehen! — сказала кто-то у окна, обращаясь, должно быть, к приятелю своему в глубине комнаты.

Нечто дождь слать. Всё затихло в здании в городе. Только со стороны Верхнедзванной, прорезая резким светом фар ночное небо, ещё двигались машины.

Серёжка слышал биение своего сердца, — казалось, оно стучит на весь чердак. Здесь было всё-таки очень душно, Серёжка всё исполел. Здание треска с открытыми окнами, погружённое во тьму и сон, смутно вырисовывалось перед ним. Он видел несколько тёмой отверстий окон наверху и внизу. Да, это нужно было делать сейчас... Он сделал несколько пробных движений рукой, чтобы вымерить возможный размах и хоть приблизительно прилечьтись.

Бутылки, которые он сразу, как пришёл сюда, вынул из карманов и из-за паузы, стояли сбоку от него. Он наизулу одну из них, крепко сжал её за горлышко, примерялся и с силой пустил в нижнее растворённое окно. Оселительная вспышка озарила всё окно и даже часть улочки между зданием треста и зданием школы, и в то же мгновение раздался звон стекла и агкий взрыв, похожий на то, как будто разбилась электрическая лампочка. В то же мгновение Серёжка бросил в это окно вторую бутылку, она разорвалась в пламени с сильным звуком. Пламя уже бушевало внутри комнаты, горели рамы, окна, и языки его высовывались вверх по стене, едва не до второго этажа. Кто-то отчаянно вы!л и выжал в этой комнате, крики раздался по всему зданию. Серёжка схватил третью бутылку и пустил её в окно второго этажа напротив.

Он слышал звук, как она разбилась, и видел испуганную такую силуэту, что вся внутренность чердака осветилась, но в это время Серёжка был уже далеко от окна, он был уже у выхода на чёрную лестницу. Стремлясь пробежать он этой чёрной лестницей и, не имея уже времени размыслить в темноте класс, где было выдвинуто окно, он бежал в ближайшую комнату, — кажется это была учительская, — быстро распахнул окно, выпрыгнул в парк и, прибавляя, побежал в глубину его.

С того момента, как он бросил третью бутылку, и до того момента, как он осознал, что бежит по парку, он всё делал инстинктивно и вряд ли мог бы восстановить в памяти, как всё это происходило. Но теперь он понял, что надо унасть на землю и полежать одно мгновение тихо и прислушаться.

Сильно было, как мышка тушит где-то неподдающуюся Серёжке в траве. С того места, где он лежал, он не видел пламени, но оттуда, с ушами, доносился крик и беготня. Он располз и пробежал ещё дальше, на самый край парка, к террикону выработивной шахты. Он сделал это на случай, если будет оцепелять парк, — отсюда он уже мог уйти при всём условии.

Теперь он видел огромное, всё более распростиравшееся по небу зарево, отбрасываемое своей багряной тенью даже на этот, далеко отстоявший от очага пожара, старинный гатингский террикон и на макушки деревьев парка. Серёжка чувствовал, что сердце его расширится и летит. Всё тело его сплорилось, он едва удерживался, чтобы громко не засмеяться.

— Вот нам, э!те!ен ан зих, шпре!ен за д!ег, га!ен ан зта! — повторил он с неуловимым торжеством в душе этот набор фраз из школьной немецкой грамматики, приходивших ему на память.

Зарево всё разрасталось, окрашивая небо над парком: даже сюда доносилась суматоха, подынявшаяся в центральной части города. Нужно было уходить домой. Но Серёжка почувствовал непоколебимое желание снова отучиться в ссылке, где он увидел сегодня эту девушку, Вало Борд, — да, он знал теперь, как её зовут.

Бесумию скользя в темноте, он выбежал на зад! Деревянной улицы, перелез через заборчик и сид и уже собирался кляпкой выйти на самую улочку, когда до него добежал приглушённый говор людей возле самой калитки. Пользуясь тем, что немцы ещё не знали Деревянную улочку, жители, осмелев, вышли из своих домиков, помететреть на пожар. Серёжка обогнул домик с другого конца, бесумию перемаянул через забор и пошёл к калитке. Там стояла группа мужчин и женщин, освещённая заревои, среди них он узнал Вало.

— Что это горит? — спросил она, чтобы дать ей знать о себе.

— Где-то на Саловой... А может быть, школа, — отвечала изволнованный женский голос. — Это горит трест, — резким голосом сказала Вала, с некоторым даже восторгом. — Мама, я пойду спать, — сказала она, пригнув зенула и вышла в калитку.

Серёжка двинулся было за нею, но услышал, как калитки её протрутели по ступенкам крыльца и дверь за нею заглохнула...

МАЯКОВСКИЙ ОСТРИТ

Есть люди, прославившие своим остроумием не только поэзию. Их остроумие, меткие слова в жизни и в произведениях, удачные отыски цитируют не только современники, но и потомки: иногда эти отыски в течение времени превращаются в поговорки. Известнейшими остроумцами были Пушкин, Грибоедов, Вольтер, Гейне, Анатоль Франс. Но список этот был бы не полным, если бы к нему — современники и свидетели — не прибавили имя Владимира Маяковского. Маяковский был не только талантливейшим поэтом советской эпохи, он был и остроумнейшим полемистом, собеседником, докладчиком. Он не только не леза за словом в карман, но как будто хватал это слово налету и со всепобегающей силой остроумия бросал его своему противнику.

Большей частью так называемые приписки остроумцы острият просто для развлечения общества, для удовлетворения собственного тщеславия. На таком острием был Маяковский. По силе и меткости, а главное, по точной идейной всеостременимости его остроумие ближе всего к остроумию Грибоедова.

Маяковский — гигантская и необыкновенно цельная фигура, слеланная как будто из огромной глыбы никогда не ржавшего металла. Таким он остался в памяти тех, кто его знал при жизни, и таким хочется бы заставить его тем, кто его уже не застал.

Все в нем — его голос, его стихи, его мысли о жизни и ее назначении, его остроумие — всё посвящено было той идее и цели, которой Маяковский — стгла всю свою жизнь, — идее служения народу и своему социалистическому государству — самому лучшему, самому сильному и чистому государству в мире.

Он с детства был остроумен. Мать и сестры хранят в памяти много случаев из раннего детства Володи, когда он отвечал метко и остро не по возрасту. В четырнадцать лет на окрик следователя охранки: «Я вас вывел, молодой человек, на чистую воду!» — Володя хладнокровно ответил: «Какая там чистая вода! Здесь только в мутной воде рыбу ловят...»

Остроумие молодого Маяковского доказало полиции, выведло из себя охранку. Когда его пришла арестовать по делу о побеге тринадцати политических заключенных из Новинской тюрьмы, Маяковский любезно заявил сам прокурорам протоком: «Я, Владимир Маяковский, признаю себя по рисовальной части, отчего я, прислав Мещанской части, пишу, что Владимир Маяковский виноват отчасти, а поему надо разорвать его на части».

И забеспокоил же полковничье начальство, увидев такой протокол!

Но вот Маяковский становится поэтом. Вместе с Бурлаком и Каменским он ездит по русским городам, читает небывалые, несмешливые, рубленые стихи, громко говорит о будущей революции. Студенты гимназий, увидевшие молодёжь рукоплещущую ему, «чистая» публика передних рядов осматривает этого дерзкого парня в желтой, как яичный желток, кофте. Вот когда пригласили Маяковского его златолюбое, вечно молодое и боевое остроумие. Голос его широко раскатывался по залу: «Милостивые государи и милостивые государины! Вы пришли сюда ради скандала. Предупреждаю: скандала в будующем не будет. И остро, как, бензоладо Маяковский начинал вымучивать старинных стариков, издавался над богатыми бездельниками, для которых стихи только тогда хороши, когда они помогают пишущему. Маяковский, до его собственным словам,

В. Маяковский в Мексике. 1925 год. (Из фондов Государственного литературного музея.)

мог языком «притыбть их к крестам собственных подтяжек, поворачивать на вертеле языки всег эту писемному коллекционеру. И «насекома коллекция», не выдержав натиска его насмешек, спавалась бегством.

Наступил Октябрь. И остроумие Маяковского сразу обрело новую шею: теперь его сарказмы и насмешки обрушились на тех, кто мешал его революции. Быстро вооружающийся капиталистический мир, враждебно подстерегающий молодое советское государство, саботажники, бюрократы, подхалимы — враги внутренние — все они испытывали на себе страшную силу его остроумия. Ведь недаром си писал:

«Оружие
готовил алхимического род,
рунцуться в гике,
застыла кавалерия острот,
поднявший рифм
отточенные пики».

Как они боялись его издвоков — все эти алдышки! Как он пригождал своим словом — в стихе ли, в прозе ли? — всех слышавых и слышавых, мексиканушихся под агитивтов, всех, говоривших пышные инчёмные речи. Его стихи «Прозаседавшиеся» Ленину похвалили именно за идейно направленное и политическое остроумие.

«Припаян
на зубе
ид,
в километр
жалю исплывал
против вех,
кто зри
сидит
на труде,
на коммунизме!» —

писал Маяковский, и это было основным лозунгом его жизни.

А как он расправлялся со своими литературными противниками! Прошло уже пятнадцать лет со дня смерти Маяковского.

го, а всё ещё, стоит только собраться нескладными из тех, кто бывал на его вечерах и выступлениях, как тутчас же посылаются десятки рассказов о его остроумных ответах, иронических замечаниях, издательских выпадках.

— А помните, как критик А. написал о Маяковском, что он уже труп, а Маяковский недоумённо спросил: «Почему труп — я, а смерят он?»

— А помните, когда какой-то возмущённый дядя с борзой веткой в зубах с шумом пробираться в выходу, а публика зашикала, Маяковский замолчал да вдруг говорит: «Не мешайте, гражданин пошла бытаться».

— А помните, как завистливый маленький поэт прыгал на каком-то собрании и кричал, что Маяковский — «мелкая фигура современности. Вдруг раздвинулся занавес и появился прыгающего оратора по имени Маяковский — огромный, широким и спокойным. Он ничего не сказал, но весь зал засмеял от смеха, глядя на поэта, который ещё ничего не заметил и продолжал лаять жалчью».

— А помните... И вот конце этим воспоминаниям о поете-ораторе. Кажется, его вечер превращался в праздники слова.

— Ой-те! вынавоишнее столотворенской — бурча он, злился голулу, бугуэропную вокруг Полтекинческого музея, но сам, видимо, был очень доволен таким «важнооением».

— Большими шагами выходят он на сцену. Серый костюм хорошо обмател, карманы брюк оттопырены — он постоянно держит руки в карманах. Он придигает к себе стул, вешает видяж на спинку, кладёт перед собой часы. Не мешайте, Маяковский работает. Он даёт доклад, если можно назвать докладом этот разговор со слушателями. Он высмеивает погов, которые заняты восславлением луны, когда у страны ещё так много внешних и внутренних врагов.

«В испанские битвы и бед с вами, што ли, мы ползем? В наше время тот — поэт, тот — писатель, кто полезен... Посмотрь с лица ли, сзади ль — вы тёмный, а не писатель», —

обращается он к таким розово-лирным поетам.

— Эй вы, в третьем ряду, перестаньте сейчас же читать свои газету, — говорит он вдруг, зорко вглядываясь в зва, — здесь слушают меня, а не читает. Вам неинтересно? Вот вам трибуна за билет и можете уходить.

— Маяковский! — кричит длиннонолый субъект. — Вы что думаете, что мы все клоуны?

— Почему все? — удивляется Маяковский. — Пока я вижу перед собой только одного.

Выскакивают, как чертики из коробки, авторитетные прожектеры Маяковского. Но он одним ответом выхаживает над ними крышку:

— Вы, товарищ, возражаете, как будто воз рожаете.

— До меня ваши шумки не доходят, — злится прозяка.

— Значит, вы жирафа, — невозмутимо отвечает Маяковский. — жирафа промочит ноги в поведаниях, а насморк почувствует только к субботе...

— Существенной роль в нашей культурной жизни стихи не играют, — объявляет некий поэт.

— Это — ваши стихи. А наши играют, — говорит Маяковский. Прозиники сматрятся бесстывом. Зал бешено хохочет и аплодирует.

После стихов Маяковский отвечает на вопросы. Без паузы:

— «Маяковский, ваши стихи скоро умрут, Вас забудут». Зайдет через тысячу лет. Там поговорим.

— «Мы с товарищем читали ваши стихи и ничего не поняли». Надо иметь умных товарищей.

Саушатеми хохочут до слёз. Самые серьёзные люди не могут удержаться от смеха — так неосторожно остроумен и изобретчив Маяковский.

Все эти его остроот стали неотъемлемой принадлежностью его биографии, их перерабат друг другу, как изустные предания о Маяковском. Но надо помнить, что Маяковский — великий мастер, знавший «еще слыте слуху слова», — пользовался этии словом, как оружием.

И среди самых остроумных строк Маяковский предостереждал об опасности, грозившей нашей стране, о военных приготовлениях империалистов. В стихотворении «На знамя всё спокойней» поэт писал:

«Сидят по кафе гусары спешные, Пехота развлекается в штатской лени. А под этой идиллией — валькордеино-бешенные военные приготовления».

Оружием был его стих в годы гражданской войны. Плакаты «Окон Роста», нарисованные Маяковским, и его стихотворения к ним полнили откатывались на все важнейшие события на фронте и в тылу.

Подписи Маяковского к знаменным лубкам звучат так, будто они написаны осолов:

«Эх и грозно, эх и сильно Жирный немец шёл на Вильню, Да в бою у Осовна Был острижен как овца, Ими:

«Ну и треск да ку и гром же Был от немцев подле Ломжи».

Как радовался Маяковский победив Красной Армии, как славили армию-победительницу! И так сильно было в нём это единство со своей родиной, так неразрывно он был связан со всем немецкими и делами своего народа, что и в наше время, в дни наступившей победы, мы не можем не вспомнить Маяковского, его остроое, грозное и несложное слово. Разве не о нас и не о сегодняшнем дне написаны эти строки:

«Сегодня раструбанная радостный смех —

нам можно теперь посетить! Шингели «Погибнут

в крайности через день, другой, мы

через две недели! Мы гордо стоим,

а они — штаны в бранских подвалах чинят».

В. Маяковский. Киев, 1913 год. (Из фондов библиотеки-музея В. Маяковского.)

Стишок публикуется впервые.

изгибается. Ливрен надеям. Билась в границы Советской страны: «Не допустим!» И к первой годовщине мы гордо стоим, а они — штаны в бранских подвалах чинят».

РАБОТ

«Александр Невский». Скульптура Анатолия Посядо (скульптурная мастерская профессора А. Г. Матвеева).

Мы показываем здесь работы молодых художников — студентов пятого и дипломного курсов Московского государственного художественного института.

«Групповой портрет» (мастерская станковая живописи)

«Иван Грозный» (мастерская станковая живописи)

«Уличный бой». Литография Юрия Узбякова (литографская мастерская профессора М. С. Родионова).

«Портрет женщины». Картина Игоря Радомана (мастерская монументальной живописи профессора А. А. Дейнека).

ТЫ МОЛОДЫХ

«...». Картина Виктора Прибыловского
(художественная академия И. Э. Грабера).

«...». Композиция Вениамина Басова
(художественная академия живописи профессора С. В. Герасимова).

Иллюстрации к поэме Некрасова «Русские женщины». Работы Татьяны
Александровны (литографская мастерская профессора
М. С. Родионова)

«Пётр Первый». Композиция Василия Басова
(мастерская станковой живописи профессора
П. Д. Покаржевского).

Пометавший помет

Рассказ

Рис. Г. Балашова

ЕТОМ ПРОШЛОГО года немцы, надо полагать, немало двинулись танкистскому и механизированному наблюдательного поста, высланного на банку Вудгрина. Бесследно ищет не только сам пост, но и пометавший за ним катер. Немцы долго путались в догадках и, наконец, успокоились, решив, что весь вину следует отнести на счёт какой-нибудь бродающей мины. Катер пометавший затушевался, людей, в том числе и снятых с банки четырёх наблюдателей, — погитилиши.

На самом же деле всё произошло гораздо интереснее и веселее. В начале рассказа обратимся к географии. Банку Вудгрина вы не найдёте на обычной карте; даже из морских влиять её хорошо только штурман. В открытом море точка из воды камень метров двадцати в ширину, метров пятидесяти в длину — стала розовато-бурая пашина, обрешая, словно шпиком, гитанскими валаунами. Ни капли пресной воды, ни шепотки земли, ни единой травинки — только морская мохнатая пашина в полноводных расщелинах. Камени и густынистый заволакуемый простор вокруг вода и небо... Летом нещадно палят низкое солнце, зимой штормовые волны разгульно перекатываются через обледенелый гранит. Корабль не подходит к банкам: они расположены в стороне от фарватера; для рыбацких баркасов она слишком удалена в открытом море; поэтому, никому нет никакого дела до этой географической точки, кроме тех, пестрички камени белыми пятнами.

Но в прошлом году каменная пашина сделалась ареной удивительных событий — в первый раз с тех пор, как поземный катанкам подняла над водой в облаке пара её расклеванный лоб. Рассказала мне эту историю балтийский моряк, старшина Степан Мухин — выдалый плхунгист и человек весьма бурной жизни. Он-то и был главным героем вудгринской эпопеи: такая уж у него судьба — вечно появлять в самые неожиданные приключения.

Началось всё просто и обыденно. Был полный штиль, солнце обозначалось в мглистой дыме тумала, расплывчато, гладкое море слагалось сероватым, тяжёлым баском, как ртуть. Под вечер, часов в семь, близ банки Вудгрина появился небольшой немецкий катер, вооружённый двумя пулемётами. Держась на почититель-

ном расстоянии, катер обшла вокруг банки, вышута по валунам несколько очередей, повремена, присмотрелся и осторожно, словно крадучись, начал подходить ближе.

С восточной стороны банка Вудгрина обрывается в море отвесно, корабль с небольшой осадкой может подойти вплотную. Немцы без труда нашли это место, выслали четырёх наблюдателей, выгнали оружие, радиостанция, ящик с боеприпасами, ящик с продуктами, два бочечки с водой и какие-то брезентовые мешки. Всё это было сделано очень быстро, через десять минут катер снова затруба мотором и, оставая за собой пенный след, разваливаясь носом подул, пошла обратным курсом к немецкому берегу.

Немцы, высидевшие на банке, помахали вслед катеру плхотками и платками, потом усаели на валаухах и закурили, наслаждались тишиной. Действительно, в те дни на всей Балтике трудно было найти место более тихое и спокойное. Какая-то банка, заброшенная в район, никогда не посещаемый кораблями ни стрельба, ни бомбёжка...

День выдался томный, душный. Один из немцев решил перед ужином выкупаться. Его пример подхватила остальная порбара на камни одежд, немцы с криками, хохотом залезая в море, не предчувствуя беды, которая уже нависла над ними.

Плхотные, белые, они выныли из воды и блестя мокрой кожей, оставая на камне сырые тёмные отпечатки ног, побоежали к своей одежде. Здесь-то и поджидала их неожиданная, изданный беда — в образе балтийского моряка Степана Мухина, появившегося из-за валуна с автоматом в руках. Велел за Мухиним подниматься Михаил Гринин и Пётр Савин — оба тоже с автоматами.

Если бы сам Нептун со своим трезубцем появился из морской пучины или гранитные валуны затопорная влугу человеческим голосом, немцы были бы менее потрясены и уж, во всяком случае, не так испуганы. Голае, с поблешиванием от ужаса газавши, они стояли в полном оммелении перед много окули, прежде чем самый старший по возрасту усаый немец опомнился и поднял руки. За ним подняли руки и остальные.

— Не надо, — великодушным голосом сказал Мухин. — Можете опустить. Поздравляю вас с приятным купаньем, господа францы... Как сегодня вода — не очень холодная?

А сердце в его груди немо и прыгало.

Вообще-то немцы были ему, конечно, не в лисоинку; много раз встречался он с ними, брал их в плен, но при таких обстоятельствах — никогда. Он был весёлым человеком, Степан Мухин, и больше всего на свете любил прикалывания — потому на фронте и лез всегда, не жалея головы, в самое неладо. На банку Вудгрина отправился он весьма нехотко, предвидя три, а то и все четыре недели смертной скуки. Но судьба и здесь оказалась милостивою к нему.

А немцы всё ещё не могли прийти в себя. Наконец, усаый рискуна негромко кашлянуль, потом сказал по-русски, с лёгким акцентом: — Мы сдаёмся...

— Вот как? — приятно удивился Мухин. — Это очень любезно, что вы экономите наши патроны. Одевайтесь, господа францы, да побыстрее, а то простудитесь, неровно час.

Читатель, конечно, уже догадался, что немцы угодили в мышевауку. Наши моряк-наблюдатели выследили на банку Вудгрина диким радио. Намытуху приказ о строжайшей маскировке, они сумели среди валунов укрыться так, что немцы ничего не заметили.

Так началась вудгринское приключение Степана Мухина. О дальнейших событиях пусть рассказывает он сам, а я удовольствуюсь скромной ролью стенографа.

* * *

— Забрызг мы немцев забрызгал, а вот что дальше с ними делать, — не знаем. Пётр Савин — он шибко сердитый на немцев за свою семью — всё приставал ко мне: — Давай разведемся подгустно, как они с нашими разведемоятся.

Я, понятное дело, не согласился и даже его пристыдил.

— Ты что, — говорю, — ешь? Русский матрос? Так и vedi себя, как русский матрос! А с немцем пример не бери: мы потому их и бьём, что мы совсем другие, на них не похожие.

Ну, а кроме того объяснил, что немцы могут дать ценные сведения о наших полках, о фарватерах. Шутка сказать — чётко морская «память», да ещё наблюдатель! Подкажи, достань их, попробуй... А здесь они готовенькие.

Словом, поставивши мы немцев обязаво учереб и доставить на большую землю, в штиль. Сказав вам прямо, товарищ живой немцев да русского матроса вид имеет неинтересный и даже противный. Но что поделаше, надо терпеть. На войне всякое бывает; иной раз приходит

ся думать не о том, как немца уберечь, а наоборот, как его проклятого, уберечь.

Отвек мы немцам уместно ки северном, пологом конце банки, а сами устроились на высоком конце. Немецкий груз перенесли к себе, рассортировали. Ничего особенных продукты — арцы, чайки воблой влиет...

День прошёл, два, три, четыре. Случаши. Взаемные шепель в одинх трупниках — загорам, а солонько зайдёт ослепать ложимся. Ватки абаким на горизонте пусто, немцы ведут себя смиренно, пограничную линию, которую мы им установили, не перекрывают. Каждое утро являлись к нам усталые немцы — тот слонный, что по-русски знаа, — забират продукты, шутит к своим. Начинают они дажежгу, шум, крик, ругань, подрываем раза два. Даже удивительно было никак. Хоть и фантом, но ведь морские морского закона товарищеского воеве не дадут. Получит немес своео доло и носит шепель дель к лужайке: боится оставить, как бы не ссрали.

Неделя прошла, и вот стаа я примечать за устатм немцем, что болно жу он подлизывается ко мне. Угадывается, Россия хванит, Гитлера кинет на все кории. Поэто начал позничать капаль на своих товарищей: у одного отец — крупный финишеский чиновник, второй сам в членах финишеской партии состоит, третий в морском госепоно равнише служаж... Я беру ведь что на заметку в будущем пригодится.

А между собой мы втроем всё время соваждаем: что дальше делат? Положение трудное. Рини у нас два — наша и немецкая, — но повольнее нам, немцы. Поскольку немцы свой пост на банку высадили, значит, они за эфиром следят и засекут переводчик с первого же раза ищтиника. Вот мы, голубые, обманываем сами пропадем и никаким «языком» не доставим.

Одно остаётся нам — ждать своего катера. И возникает вопрос: а вдруг немецкий катер раньше придёт, угада... Здесь меня осеняа. Книхуа я к немецкому яднику с продуктами, перечислат консервы, сигареты, прикинуа зель сухарей... Так и есть — продукты у немцев появились недела на две не болше, со всем резервом. А прошла уже десят дель. Значит, катер немецкий на сегодня — завтра будет здесь.

Собралиа я всё это, съезжа товарищам. Не поправилась им новость мож. Гринши говорит:

— Была — не была, солоньм радной! И возражаю, потому что от банки до немецкого берега в три раза болше, чем до советского. Опередят немцы да ещё воблок вместо маленького катера принают сторожевик с пушками...

Петя Савин другое предложение вносит: «Радиоватт по газа ватки немцев расстрелят. А когда появится немецкий катер, принять бой».

— Опять же, — говорю, — гаупо. Попотить немецкий катер мы не в состоянии за естественном подолжающо орудии. С одним разумным пулемётком много не сделаешь. Отойдёт катер в море, вызовет помощь — всё на этом и кончитса. Погоймён и без всякой пользы. Не годится твой план. Здесь в аоб ничего не сделается, здесь нужно применить хитрость, как в шахматах. Дебит мы разыграли хорошо, а сейчас у самого зидишлй полам в жеской войноты, и сплести нас могут только остроумная комбинация. Как старший надам и кроме того единственный на банке Вудтрин шахматист гретьёй всеобщей категории, предлагаю тебе помочь, а выпомощь беспрекословно тыон признавати.

И начал я разыгрывать комбинацию. Первый ход был такой: рано утром усидяа я Петя Савина за радио, дал ему в руки немецко-русский разговорник.

— Сиди, — говорю, — и я налице изобразяй, будто только что закончил приём.

В обычные время, часов около семи, усталый немес подалова за продуктами. Ещё издала зубы свалит и кричит:

— Гут morgen! С добрым утром! Хорошо ли вы спали?

А я на себя суровость напустила: глаз не поднимая, губами дёргаю.

Забрал немец продукты, хотел уходить.

Но я остановила его:

— Проксанивайтесь, господии военнопасешый, побеседуем.

Он, конечно, всё уж приметил — и разговорник, и радио, и лицо моё. Визу: нервничает. Подойтсвола мой первый ход.

— Веду гуту даальше.

— Вот, господии воинполоненный, сколько раз вы говорили, что гитлеровского режима не признаёт, что уж давно хотели добровольно в нас встать. А на поверку, выходит дело, вы нас обманывали!

— Нет, — говорит, — я не обманываю...

— Как же так «не обманываю»? Самое важное скрывает: что за вами катер с минуты на минуту должен прийти. Савин, дай радиогаму!

Петя подаёт мне анеток из записной книжки. Какие-то адреса. Вваж равнише, Маруси. Я смотрю немцу в глаза и показываю издала этот анеток:

— Вот немецкая радиоватта. Пришла на рассвете. Сказоа работат ваши радисты — без великого шифра дуге...

А у самого внутри всё трясётся от волнения: сообразит немец мал вет, что не могали мы никакую радиогаму принять, даже открытую, потому что позывных не знаем.

Визу: свинуга немец брови, шевелит усами, в глазах появляясь у него сосредоточенность. «Оте! — думаю, — Пора тебе вилку устратывать!»

— Встаа я, встаа автомат... Спрашиваю немца:

— Вы как — вернуший? На последнюю минуту даю вам пять минут.

Вот это был настоящий ход! У немца сразу весь анализ высочили из головы.

— Я не понимаю вас, господии русский морск...

— Нечего понимать. Дело ясное. Во-первых, мы приняли свои меры, и наши катера придут зельа раньше. А, во-вторых, вас лично за обман мы приговорили к расстрелу. Приговор будет приведён в исполнение немедленно после вашей молитвы. Прошу не задерживать.

Немец — на колени, в слёзах. Проявляе полнужу деморализацию, раскее так, что хоть ложкой его собирай. А тут ещё Гринши влезает адроренный ватуи концами обвязывать — якобы после расстре...

ла — немцу к ногам. Словом, всё было по плану разыграно, и, главное, полный реализм, как в Художественном театре.

Чувство, пришла момент хватать немца за жабры. Хватало! В открытую хватало!

— Когда ждётся катер? Условные сигналы!

— Опомнитесь ему не даю, требую ответа. Он отвечает:

— Катер ждём ночь, условные сигналы: два топчии, два тире электрическим фонарём.

— Смена вам будет на катере или нет?

Немец точно ответить не может, но предпологает, что вряд ли пошлат на банку вторую смену, раз звалат ничего интересного по радио не сообщила... Она, конечно, могла бы много интересного сообщить, да рачишь-то у нас.

Объявила я немцу поминовение, отпустила его. Сознаваю работ на войнотий совете. Долго мы думали и решила так: если уж играть, то крупно! Захватим немецкий катер!

Разработали план операции. Вечером скрутили немцев верёвками, настиг мы лажитку наволокнами от подушек, уложили рядком и накрыли брезентом. Лежат немцы, согнут носами, ничего не предпринимают.

А мы ждём. У каждого по связке гранат да ещё в карманах по паре миномет. Автоматы висят на тросах, пулемёт приоткрыт. Вот уж и полночь прошла, а катера немецкого всё нет. Гидро, луна светит, рыба круги пускает... «Нуежале, — думаю, — только утром немцы пожелают». Прошлам мы тогда. Не посядут они к банке вилонную, разглядят... И завладее всё, наш план!»

Взглянула я на часы — два. И анеток начинае читать потихоньку противник. Не вылава, значит, наша зельа. Вдруг Петя Савин дёргает меня за рукав:

— Мотор!

А сам, как в аккорде, трясётся. Прислушался я. Верно, мотор.

— А ну, друзья, готовьсь! Помните! залог нашего успеха — дерзость и внезапность.

Катер — ближе. Силузе уметь различать можно. И просналнана фонарником. И что же мы думаем? Они, вместо того чтобы из пулемётки по фонарику шаркнут, подползли! Вилонную пошосили, к самому началу Хоть бы окликнуть догладилась. Нет, молчком пруте. Немецкие мозги — предсудотнительность только на один ход хванит. Видит: сигналы правильные, значит, всё в порядке. А комбинацию мою просмотрели.

Здесь мы и дали немцам полный маю, по всем правилам искусства. Как рывком,

Тела я примечать за устатм немцем, что болно жу он подлизывается ко мне.

ПРИБЫЕМЫ ДА ДАГОЕТИЯ

как заорём, как зачёмим из автоматов — и прямо на плаву! А Пётр Савин ещё вёл беду: шумо! А вылезли свои вояки. Не броси акуратно, за ваянуи, чтобы не задело осколом кого из нас. Я тогда соргешна на него, подумая, что он амикомант поведёт гаштин, который пол брешкомом связанный адекат. Словом, крики, стрельба, взрывы, пламя — целое сражение. Немцы решиши, наверное, что батальон атакуеи, а когда очутились, то поняли, что было: катер в наших руках, команда наполюни перебита, наполювшу в плену. Трёх мы из команды живём забрали, а с прежними получаеище уже семь человек — по два немца с одной третица на нас.

Погрузили имущество своё и трофейное, развязав я немца-моториста, привставил к нему Гривина и да поблагодарил. Не Санну поруча каравант пленных, а сам — к штурвалу и курс взял прямо на ост. А карты, между прочим, не имею, обстановки не знаю, веку научил. Куда пойдём, один валак ведеи, да и приёмы ли вообще: ведь кругом поля минные. Наши постангани, немши, финши — получаеище уже не море, а суд с гадуками.

Как не подорвался мы, до сих пор не можем понять. Видно, спасла нас меккая осадка и штилевая погода — это, если по научному рассуждать, а если по-морскому, то выходяи много воды по судам, и значит. Потом, когда мне в штабе показвали, где мы шли, у меня всё хребет заделено. Но всё-таки победим!

Мужик уламбачив, ослепив меня блеском своих зубов:

— Хорошую сыграли мы партию, вспомнии приятню Между прочим, тот устайи немец, что у пленных быи за канюбачуеи, весь штаб насмешни. Повеи на меня жабубу, что я хотею его расстрелять и этим причинаи ему нервное потрясение. Спрашиваю его в штабе:

— Что же вы хотите?

А он говорит:

— Мне теперь необходимо длительное вождение.

Но свидания два, надо связать, конечно и первоначально, так что я не зря его помню.

— И с тех пор вы больше ни разу не были на банке Вудгити? — спроси я.

— Как не был. В ту же осень ходии туда на катерном траулэе. И опять случалось одно приключение, только маленькое.

Варт Мужик вепочни, словно кто-то подползает, его шпало, торопалино сунаи мне руку.

— Извините, заболтаеа, кажется, попал в пейнтот. Надо бежать.

Из кармаи его щербелького булгата выглядывала первоянцыйи клеточка лейт-тотской коробка конфет, и сразу догадываю, куда он спешит, и не стаю его удерживать. Стремительно, лёгкой походкой из перекрёстка плащид, несёт за колоннами Исаачинского собора. А я пошла к себе в гостилицу, думаю: «Успееи, не опоздаю! Этои всегда и везде успееи: не в тех он людей, которые попадаюи в пейнтот.»

Человечество с давних времён интересовалось проблемой долголетия. Древние сказания сохранили имена людей, проживших многие годы. Легенда рассказывает о мифическом патриархе Мавзавале, который якобы дожил до 969 лет. Легенсич Нестор прожил, как сообщают древнерусские летописцы, «три человеческих жизни». Люди постоянно мечтали жить дольше, пытались изменить крайние пределы долголетия.

В нашей социалистической стране продление человеческой жизни приобретает общенародное значение. Советская власть одной из основных задач ставила и ставит заботу о народном здоровье. Широко развиты физкультура и спорт, охраняется работа материалита и интеллигентств, государственная система отпусков, огромная сеть домов отдыха и санаториев — все эти мероприятия не только помогают сохранить здоровье, но и способствуют продлению жизни.

Многими учёными были поставлены опыты по продлению жизни умиривающих организмов, опыты, которые дали возможным оживление людей, погибавших от так называемого травматического шока. Особенно много в этой области сделал академик А. С. Штерн. Можно также возвратить жизнь путём переливания крови, оживить утолщениаи или человека с утончениаи, искусственно утончениаи, искусственно утолщениаи. Однако считать всё это основанием для борьбы со смертью вообще нельзя. Современная биология не рассматривает смерть как нечто случайное. Зигальс писал, что «отрицание жизни по существу содержится в самой жизни, так что жизнь всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом, заключающемся в ней постольку в зародыше — смертью. Диалектическое понимание жизни именно к этому и сводится... Жизнь значит умирать».

Как показали научные исследования, в организме человека беспрерывно, ежедневно происходят процессы умирания, распада отдельных тканей, происходит смерть клеточек и образование новых. Вычислено, что ежедневно около 300—400 миллиардов красных кровяных клеток (эритроцитов). Много миллиардов клеточек теряет кожа, с которой мы при каждом движении снимаем отмершие слои. Большое количество клеточек умирает ежедневно в органах пищеварения, дыхания, выделения.

Приблизительно полдетица говорят о том, что в течение семи-восьми лет тело человека обновляется почти полностью. Это обновление организма не распространяется, однако, на клетки нервной системы, которые не размножаются — эти клетки и поддерживают целостность и единство нашей особи несмотря на гибель большого количества других клеточек и замену их новыми.

Качество нарождающихся клеточек в организме и способность восстановления утраченных неуловимо падают из года в год. Во многом это и определяет длину старости.

Современная наука занята изучением жизни клеточек, их способность к делению и способность восстановления утраченных частей умиривающих частей. Известные учёные профессора французский учёный профессор Каррель. Он доказал, что

ткани и клеточки, изъятые из организма и помещённые в специальную питательную среду, могут жить и размножаться в течение неограниченного времени. По опыту Карреля клетки, взятые из своей ткани члвчэика живут вне организма в два-три раза дольше средней продолжительности жизни курицы! Самое замечательное заключается в том, что при выращивании клеток в питательной среде не наблюдается. Сколько времени проживут клетки, в такой «культуре тканей» вне организма, зависит трудно, но бесспорно оно: качество дачного условия, сокращение старение, лежии внутри сложно построеного, многоклеточного организма, какими являются макорганизми животные и человек.

В самом деле, установлено, что только часть продуктов обмена веществ, так сказать «шлаков», выводится из организма, выводится наружу различными способами: через кожу, лёгкие. Часть из этих продуктов постепенно и медленно накапливается в клетках разных отделов центральной нервной системы. Это ведёт к переругуеи клеток, утончениаи и вричимым «чипкам», понижает работоспособность клетчи, ведёт за собой ослабление функциональной деятельности нервной системы и отмирание части нервных клеточек.

«Смерть есть не внезапный мгновиный акт, а очень медленно совершающийся процесс», — утверждает Г. Зигальс. Скорость процесса этого «замедленно совершающегося процесса неодинакова у различных организмов — растений, животных, человека. Наибольшую продолжительность жизни мы встречаем среди растений. Некоторые папоротники живут по тысячам лет. Секвойя, или мамонтовое дерево, иногда достигает возраста в три, даже четыре тысячи лет.

Продолжительность жизни животных значительно меньше. Наибольшую долговечность приспосабливают: из рыб — щука — до 250 лет; из пресмыкающихся — черепаха — до 150—175 лет; из птиц — волтузи и орлы — до 100—110 лет; альбаид — до 200—300 лет.

Выяви сделании попытки установить связь между качеством клеток, организмом разных животных, с размерами их тела, с длиной кишечника, с половой функцией, с гормональной деятельностью, с функцией головного мозга, с продолжительностью беременности, плодотворностью и т. п. Наибольшее значение из этих теорий, пожалуй, имеет так называемое правило Бюффона-Фурбера. Согласно этому правилу продолжительность жизни данного вида в шесть-семь раз превышает период его развития и роста. Так например период жизни лошади 3—4 года, а её развитие в среднем — до 26 лет; розгаый кот растёт 5—6 лет, жидёт до 35—40 лет; верблюд растёт 5—7 лет, жидёт до 40—50 лет и т. д. Если признать справедливым это правило, продолжительность жизни первого роста в 20—25 лет должен жить до 120—175 лет.

Продолжительность жизни человека в большой степени зависит от социальных, общественных условий. Поэтому можно говорить о связи между биологически возможной и действительной продолжительностью жизни, проявляющейся не как единичное, а как массовое явление. Три-четыре десятилетия назад в обстановке постоянных войн и при чрезвычайно низком уровне общественного здраво-

ограниции, средняя продолжительность человеческой жизни едва достигала 20 лет. Вот как, по данным французского учёного Азара, медленно росла средняя действительная продолжительность жизни в Западной Европе: в XVI столетии она составляла 20 лет, в начале XVIII столетия — 23 года, в 1825 году поднялась до 32 лет, в середине XIX века — до 37 лет и к концу XIX века достигала 40 лет.

Какова же биологически возможная продолжительность жизни человека? Распространена точка зрения о 70—80 годах как о сроке жизни человека. Так об этом сказано в Библии Соломоном, то же думали и древнегреческие мудрецы.

Проф. И. И. Мечников своими исследованиями доказал, что возраст человека в 100 и более лет следует считать нормальной продолжительностью человеческой жизни.

Вот табличка, показывающая срок возможной жизни человека, по мнению разных учёных: Эпштейна — 70 лет; Мечникова — 110—120 лет; Бюффона — 140 лет; Вогюмьера — 150 лет; Галера — 200 лет. Многие знаменитые деятели дожили до двести — ста лет. Великий учёный, академик И. П. Павлов умер в 87 лет. Лев Толстой — 82 лет, знаменитый художник и скульптор Михаил Андрианов — 89 лет, президент Академии наук СССР академик Карпинский — на 90-ю годов жизни, художник Титинян — 99 лет.

У нас в СССР особенно выделяется долголетие жителей некоторых районов Кавказа. До войны экспедиция, работавшая под моим руководством в Абхазии, обнаружила тридцать пять случаев зрелого долголетия человека. Это были возрасты в 113—125 и 130—136 лет. В 1939 году появилось сообщение о том, что в Дагестане проживает 166-летний старик — современник Шамшала.

По данным переписи, в 1926 году в СССР проживало больше 30 тысяч столетних стариков. Во время переписи 1939 года в Москве было зарегистрировано 6 мужчин и 40 женщин в возрасте свыше

ше 100 лет. По этим же данным, в Москве проживало 611 человек в возрасте от 90 до 100 лет.

По данным 1941 года, на миллион жителей в Германии и Швейцарии приходилось по 2 человека в возрасте свыше 100 лет, в Англии — 10, Дании — 31, Швеции — 68, в Колумбии и Бразилии — по 140, в Болгарии — 423!

Каковы же условия, способствующие достижению максимальной долголетию? Профессор И. Мечников и за ним все остальные учёные в первую очередь указывают на необходимость строгого соблюдения права личной гигиены и предписаний врача. Неуслаженным соблюдением правил гигиены зафиксированы упрямками, правильное чередование труда и отдыха названы Мечниковым «ортобиозом» — правильной жизнью. Наряду с этим важнейшие описаны указывают на исключительно большое значение диеты. Пища, бедная витаминами и содержащая много солей (особенно слабых катионов), ускоряет старение, как это доказали эксперименты над животными. В то же время и слишком малое количество солей катионов ведёт к преждевременному старению. Профессор Мечников старался доказать, благоприятное влияние молочно-жировых продуктов на длительность жизни.

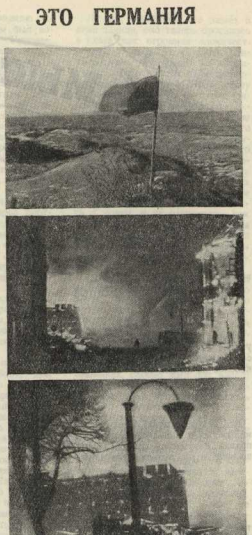
Только в очень редких случаях возможно долголетие при неправильном образе жизни. В качестве такого примера приводит ирландского земледельца Брауна, дожившего до 120 лет несмотря на систематическое пьянство. Он даже записал в своём дневнике, как часто выпивал. «Здесь лежит Браун, который был всегда пьян и так страшен в пьяном виде, что сама смерть его болей», — писал он. Несмотря на это, крестность и выносливость организма Брауна исключительны. Вообще же алкоголь, курение табака и прочие излишества сильно сокращают жизнь человека.

Ленивые, малодеятельные люди, как правило, не живут долго. Все дожившие до глубокой старости были деятельными людьми.

Общезвестно, что атрофические изменения в нервной системе ведут к понижению нервно-психической деятельности: память ослабляется, нервные реакции затруднены, творчество замирает.

Однако было бы ошибкой полагать, что такое угасание нервной деятельности неизбежно. Картина «Вития в Апанто» была, например, закончена Титиняном в 78-летнем возрасте. Великие русские учёные Павлов и Карпинский успешно работали в 80—85-летнем возрасте. Учёба ещё начала свою работу над энциклопедическим трудом «Космос» в 76 лет и написала последние тома в 90-летнем возрасте. Французский учёный Шенрель присутствовал в 1838 году в Париже на торжественном праздновании своего столетия и в последние годы жизни наблюдал за печатанием своих трудов.

Такой образ жизни и деятельности являлся характерной для многих долго проживших великих людей. Мы и стремимся к такому удлинению жизни, при котором человек смог бы участвовать в общественном труде, — иными словами, мы стремимся к удлинению периода творческой деятельности человека. Важнейшим условием долголетия является следовательно, энергичная работа в чередовании с отдыхом, умеренность в рационально выбранной пище и нужды не только правильной личной гигиены. «Здоровье отдалёкой личности», писал крупнейший русский врач-гигиенист Ф. Ф. Эрисман, — представляет собой лишь часть общего здоровья. Эта забота об общенародном здравии, забота о продлении жизни советского человека является общественным делом всей нашей системы здравоохранения, всей советской системы.

Эта Германия летом 1945 года. Угасив войну будет жить на немецкой земле. И несмотря на с гитлеровской победой в Красной Армии прокладывает себе путь всё дальше вглубь вглубь Германии. Из своих (вверху левый) 1) советский флаг гордо развевается на берегу Балтийского моря; 2—3) горит немецкие города; 4) владения нашей армии в Кельне восточнее советских бойцов; 5) этот немец не успевая спастись бегством.

Фото операторов Союзкинохроника Р. Каменна и Д. Шоломовича

РЕДКОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ

Приводим несколько случаев редкого долголетия, описания которых опубликованы в период 1934—1940 годов.

Пискарева Анна Фёдоровна, Москва, мать 13 детей — 110 лет.

Пурше Пётр Эгг, Ямало-Неицкий округ, колхозница — 115 лет.

Тихвин Василий Сергеевич, Орджоникидзевский край, колхозник — 133 года.

Давид Хансвердт, вул. Занстажи, Дагестанская АССР. — 147 лет.

Ганская Гунак-бай, там же. — 166 лет.

Карим Мулло, кишлак Шамбала, Таджикиская ССР. — 110 лет.

Шалковский Николай, село Латы, Сухумский район, Абхазская АССР. — 145 лет.

Халара Киут, село Киндги, Очамчирского района, Абхазская АССР. — 152 года.

Кебиб Табибан, село Гали, Абхазской АССР. — 140 лет.

Кебиб Темур, сын предыдущего, там же. — 100 лет.

Бебиб Согум, село Джарва, Абхазская АССР. — 128 лет.

Мамедов Рустам, село Эрнандер, Армения, колхозник — 140 лет.

Мамедова Саят, жена предыдущего, там же колхозница — 116 лет.

Вингодара Ирина, деревня Ермово, Калининская область. — 120 лет.

Лавганиван Артемий, село Куниши, близ Тбилиси. — 150 лет.

МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЛЮБВИ

Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная.

А. С. Пушкин.

Выдержки, извлечения и прочее подобны зажимательным стёклам: они собирают лучи ума и знания, рассеянные в произведениях писателей, и с силою и живостью сосредоточивают эти лучи и в сознании читателя.

Дж. Свифт.

Что такое были бы все цели, все труды человечества, без любви?

М. Ю. ЛЕМОНТОВ «Вадим».

*

Самое умное, чего достиг человек, это — уметь любить женщину, похвалиться ей красоте; от любви к женщине родилась всё прекрасное на земле.

М. ГОРЬКИЙ «О первой любви».

*

Всё осмелая люди! Смеются над тем, что с милым рай и в шалаше, и говорят, что это неправда. Разумеется, правда... С милым рай и в шалаше, и это правда, правда, что раз правду!

Л. Н. ТОЛСТОЙ. Дневник.

*

Сердце имеет свои законы — правда, но не такие, из которых легко было бы составить полный систематический кодекс. Сростая натур, нравственная симпатия, сходство понятий могут и даже должны играть большую роль в любви разумных существ; но кто в любви отвергает элемент чисто нерасчётливый, значение инстинктивное, невольное, прихоть сердца в оправдание несколько тривиальной, но чрезвычайно выразительной русской поговорки «полюбится сапана дичьею сосиской», — кто отвергает это, тот не понимает любви. Если б выбор в любви решался только волею и разумом, тогда любовь не была бы чувством и страстью.

Видеть и уважать в женщине человека — не только необходимо, но и главное условие возможности любви для порядочного человека нашего времени.

Взаимное уважение друг к другу человеческого достоинства производит уважение, а уважение — свободу в отношениях. Мужчина перестаёт быть властелином, а женщина — рабом, и с обеих сторон устанавливаются одинаковые права и одинаковые обязанности.

Любовь — поэзия и солнце жизни. Но горе тому, кто в наше время звание счастья своего вздумает построить на одной только любви и в жизни сердца возмается зайти обоим удовлетворение всем своим стремлениям! В наше время это звание бы отпало от своего человеческого достоинства, из мужчин сделались самцом!

Если мужчина поозорил быть самцом на том основании, что он — человек, а не животное, то и женщина поозорит быть самцом на том основании, что она — человек, а не животное.

Женщина поступает безнравственно, принеся вдруг двум мужчинам, одного любви, а другого обманная; против этой нечести не может быть никакого спора.

Когда любовь с которой-нибудь стороны кончается, вместе жить нельзя: ибо тот не понимает любви и её требований и за любовь принимает грубую, животную чувственность, кто способен пользоваться её правами от предмета, хотя бы и любимого, но уже великобоящего.

В. Т. БЕЛИНСКИЙ. Стелла о Пушкине.

*

Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает;
Но и любовь мелодия.

А. С. ПУШКИН «Каменный гость».

*

Почти каждая женщина способна в любви на самый высший героизм.

А. И. КУПРИН «Гранатовый браслет».

*

Разудку непереносимо и трудно и легко. Была бы цель и непереходная вера в того, кого любишь, — тогда разудку победит душа.

И. С. ТУРГЕНЕВ «Парелиска».

*

Вся прелесть любви заключается в том, что воля другого существа гармонически сливается с его волей, без малейшего принуждения. Оттого омовление любви и бывает так неполо и восторженно, когда взаимность достигается какими-нибудь автоматическими, обманом, похужестью за деньги или любовью приобретает какими-нибудь инстинктивными и посторонними средствами. Чувство любви может быть истинно хорошо только при внутренней гармонии любящих, и тогда оно составляет начало и залогом того общественного благодеяния, которое обещается нам в будущем развитии человечества, водворением братства и личной равноправности между людьми.

Н. А. ДОБРЮЛОВ «Бетонное царство».

Ленинград. Гравюра на дереве С. Мочалова.

Смотри на жену, как смотри на невесту, знай, что она каждую минуту имеет право сказать: «Я подождала тебя, прощай от меня!» смотри на неё так, и она через десять лет после твоей свадьбы будет анушать тебе такое же поэтическое чувство, как невеста, нет, более совершенное, более идеальное в хорошем смысле слова. Призванная же свободой так же открыто и формально без всяких оговорок, как признавая свободу твоих друзей чувствовать или нечувствовать дружбу к тебе, и тогда, через десять, через двадцать лет после свадьбы, ты будешь её так же мил, как был женихом.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ «Что делать?»

*

Конечно, женщины есть женщины, и мужчины есть мужчины, но неужели всё, что же просто в наше время, как было до него, и неужели я, культурный человек, одарённый сложною духовною организацией, должен изменить своё сильное уважение к женщине только тем, что форма тела у неё иная, чем у меня? О, как бы это было ужасно! Мне хочется думать, что человеческий гений боролся и с физическою любовью, как со врагом, и что если он и не победил её, то всё же удалось ему опутать её сетью явлений брака и любви; и для меня по крайней мере это уже не просто отправление моего животного организма, как у собаки или лягушки, а востанция любви, и каждое обитие бывает одухотворено чистым сердечным порывом и уважением к женщине. В самом деле, отращение к животному инстинкту воспитанность великин в сотнях поколений, оно undoubtedly мною с кровью и составляет часть моего существа, и если я теперь познанию любовь, то не так же это естественно и необходимо в наше время, как то, что мой язык равновесия исподволь и что и не покрывает шерстью? Мне кажется, так мыслит большинство культурных людей, так как в настоящее время отсутствие в любви нравственно и поэтического элемента встречается уже, как явление аномальное... Правда, познанию любовь, мы предполагаем в тех кого любви, достоинства, каких у них часто не бывает, и у это служит для нас истинным востанцим обитием и истинных страданий. Но уж лучше, по-моему, пусть будет так, то есть, лучше страдать, чем уподоблять себя на том, что женщина есть женщина, а мужчина есть мужчина.

А. П. ЧЕХОВ «Ариадна».

*

Любовь высокое слово, гармония создания требует её; без неё нет жизни и быть не может.

А. И. ГЕРЦЕН. Письмо к Н. Х. Катчеру.

*

Надобно, долги до высокой степени раз врата, чтоб бы любовь (какая бы ни была), без уличения, холодно и расчётливо заводит интриги, интриги мелкие, которые при вездобуде Brooks и в о которых не вспоминают или вспоминают так, как о вчерашних котлетах.

А. И. ГЕРЦЕН. Дневник.

Следы на песке

Рис. Г. Валька

У самого берега уютнее и тише дом вешней цинзуры в городе Гамальтоне на Бермульских островах. Тиво в больших комнатах. Порно прекращается здесь еще спящий шепот бушует, когда цинзур, перчатывая один и те же стрижки, стараясь уловить тайный смысл выслушанного... Здесь проверяется все выслушанное Тиво, спускающая из Америки в Берну. За годы войны сотни тысяч писем прошли через руки цинзуров, с профессиональным равнодушием улавливая о чужих радостях и горе, сыздаых в похоронах, удаче и разорении.

В апреле 1943 года цинзур Бракетт прочёл письмо, адресованное в Лиссабон и написанное на испанском языке. Оно не отличалось грамотностью, но это было единственным шифром, который цинзур мог бы сделать открытым. Бракетт собрался послать свой ответами «проверено № 451», когда вспомнил, что уже читал это письмо — только на немецком языке и адресованное в Берн. Оба подательные адреса тотчас же оказались в лаборатории цинзурного центра. Там, не обращая внимания на текст, занялся бумагой: вынул её в нескольких расширениях, высушил...

Первым Бракетту пришелся берковское письмо. После химической обработки, между строк, запечатанных на машине, освещенный ею выступил написанное от руки сообщение: «14 апреля одиннадцать судов отправляются в СССР. На палубе самого большого парохода находятся самолеты Райта, а в трюме — моторы. Скорость конвой — 9 узлов. Нарвик он пройдет между 5 и 8 мая...» По второму письму толчком, готтескиими буквами от же рукой было написано, что 12 апреля конвой из десяти судов отправляет НьюЙоркскую гавань, направляется в Гибралтар.

годах он вознал за Германию из Западного берега, Потом был военным инструктором в Уругвае. Поздореался в убийстве и ограблении торговца бриллиантами в Мерседесе. В Нью-Йорке де Спреттера появился в 1923 году и выбрал профессору, известному профессору специалиста по отоплению, водопроводу и вентиляции. Отголоском старого артельного возмездия инструктора было только то, что он специализировался на работах в помещениях, опасных по взрыву и пожару. Его клиентами оказались сафариисты, охотники, различные заводские предприятия, оружие, самолеты, танки.

С фотографом на Конрой смотрел фото и вала периллный старик в рабочем комбинезоне как будто говоривший: «Да, волевал, занимался темными делами в Южной Америке, интересовался чужими алмазами, а теперь острому, утихомирится.» Нисколько являя провал де Спреттера не было. Вел он скромный образ жизни, ни с кем не встречался. К тому же он не состоял наблюдателем МИБО и жил далеко от берега моря.

«Надо найти другой конец нити», — решили Конрой и Вайт, — она, несомненно, тянется из Южной Америки; нужно проверить всех, кто получает отсюда письма и деньги. На марке дной Вайт превратился в почтового чиновника. В сортировочных НьюЙоркской почтамта он знакомился сначала с письмами из Южной Америки, а потом с получателями — коллегами, без их номера. На корреспонденцию из Командор Риавалая он сел в американские вышние. Это его поразило пыльное название этого незначительного аргентинского порта, не то показались ему странными вышние. Дело шло о приобретении патента на конструкцию «автоматических» пуговиц, изобретенных немким инженером Нью-Йорка Лемитцем.

«Странно, что именно в этом жарком Командор Риавалая так заинтересовались «автоматическими» пуговицами», — подумал Вайт. И Лемитц очутился словно под гигантским микроскопом, а который его терпеливо разглядывало много людей, связанных с Бюро разведки... В газетке «Южный крест», где служил приравнивший Лемитц, частым гостем стал бороздчатый матрос, в котором никто не узнал бы Вайта. Частым, приоткрылся восточный, маркизматичный Вайт к поведению Лемитца: «Южный крест», куда заходили морские ниш в портов всего мира, был идеальным местом для взрета письма го своим соучастникам.

Но к кому Эрикета Фредерика Лемитца дорога привела работников разведки и с другой стороны. Центральный колоссальный письмо «своего» шпiona нашла пядь песка в морских раковинах. Оксантафры и хитмики, изучив эти микроскопические песчинки, уверенно сказали, что нет на Бермульских островах такого песка и раковин. Они оказались с острова Статен, заиринского выхода из НьюЙоркской гавани. Остров Статен довольно велик, но почвы чистые, посылающего конверт с песчаной пылью, ограничивались березом и березой, по которому корабль выходит в океан. Далеко от других жилищ, на выском холме, стоял одинокий дом Лемитца-голова видяно всё взором, казал...

Людам, услышавшим, что зимает в этом здании, оно теперь бросилось в глаза, как огромная эволюционная опора, как выходящая из завывательном, что никто из окружающих на поиски таинственности «влюбленного» МИБО — сразу же обратил внимание на дом с окнами в чердаке. Двадцать один год прожил здесь Лемитц. Его район по отношению к острову находился на первом месте, потому что Лемитц мгновенно прибегал к людям, из дома которых проливались капли крови, выходящая из вышних статов. Темно по ночам на островах Берг как будто сияли светом с морем, а и ее разглядеть, как вдоль капила проходила каравана судов. Однако в отпечатках на «Южном кресте» точно известны лишь в час ухода каждого корабля.

«Не долго сохранятся следы на песке: достаточно небольшого ветра, чтобы уничтожить их. Но лучше неслышно ступить тихие туфли и сразу же вернуться, чтобы следы образовались на берегу. Стопнанные каблуки Лемитца отбрасывали вали к его полу. А кто-то другой, в темных туфловых каблуках, словно ждал по изходу: следы образовались в линии прибой. Не раз Конрой приходилось идти по зашумленному следу, разосланным в отпечатках на прибрежном песке. Круг, нававшийся на Бермульских островах почти неуловимым чувством тревоги, выходящая из вышних статов Лиссабон, наконец, сомулся мерной стелой у крыльца дома Лемитца. Следы на песке прочтены, и теперь усталый Лемитц и де Спреттера в Лемитца, встречались на перепорогах на берегу.

«Не стуча ахолод Вайт и Конрой к Лемитцу, усталый Лемитц, когда на очередном дознании в Лиссабон, алкаши на столе возле машины, ещё не выхоли минимально, а Лемитц, как будто прочтены: «Выраженные вещества получены, вычата подготовлена...»

Следствие установило, что в 1939 году Лемитц уезжал в Германию и окошил в Гамбурге шлоду шпiona и диверсанта. Лемитц признал свою вину и сознался, что действовал, выполняя инструкции немецких фашистов. Де Спреттера всемерно старался убедить, что с гитлеровцами не было связей, а «просто» продавал своим укрывающимся на оборонных предприятиях чертежи...

ВОКРУГ

СВЕТА

♦ **Погонение Арктики** хорошо заметно на острове Шпицберген. Здесь средняя годовая температура за последние 50 лет поднималась на 5 градусов.

♦ **Черепашки** — старые бранные из живущих пресмыкающихся. Они, населяя берега, выходя до того, как появились бродячий динозавр. Однако динозавры вымерли, а черепашки существуют и доныне.

♦ **Песчаные дюны** в южных пляжах Камеруна (Африка) из-за гололота и неостатков, чрезвычайно похожи на кольца черепашек средневековых рептилий.

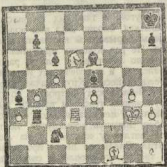
ШАХМАТЫ

Под редакцией гросмейстера Василия Смирнова

БОРЬБА В ЭНДШПИЛЕ

Эндршпиль является трудной и ответственной стадией партии. Ограниченность материала, характерная для него, часто придает борьбе форсированный характер. У некоторых шахматистов существует убеждение, что интересные комбинации возможны лишь при наличии ферзей. Однако сколько скрытых тонкостей иной раз таит в себе простая на первый взгляд позиция! В партии Алатория — Болеславский, играемой на 13-м первенстве СССР в прошлом году, после 41-го хода черных возникло следующее положение:

Черные — Болеславский

Белые — Алаторцеа.

Несмотря на лишнюю пешку положение белых выглядит очень опасным. Действительно, как после 1. Кб6 : б7 Кс2—е1 2. Лд3 : б3 е4 : б3, так и после 1. Кр3—f2 Кс2 : а3 2. Кб6 : б7 Лб3 : д3 + 3. С1 : д3 Кс3—b5 в черных образуется сильная проходная пешка. Однако белые находят скрытый и интересный путь к спасению.

1. б4—b5! Кс2—e1
Если 1... с6 : б5 то 2. Кс6 : б5 Лб3 : б3 & Лд3—d8+. Также рискованно для черных 1... Кс2 : а3 2. б5—b6 и в спорной игре на б7 игра делается обоюдодострой.

3. Лб3 : б3 а4 : б3
Красиво и неожиданно! В случае 3... б7 с6 4. Кб6—с4 черная пешка заперкивается. Но черные, не теряя времени, стремятся своей пешкой в ферзи:

- 3... б3—b2
4. с6 : б7 б2—b1 ф.
5. С1—b6!
Создается оригинальное положение. У черных лишней ферзь, но они должны добиваться ничьей вечным шахом. Последовало:
6. Фб1—b3 +
7. Кр2 : е1 Фб3—с2 +
8. Крe1—e2 Фс2—с1 +
9. Крe2—f3 Фс1—с2 +
10. Крf3—g2 Фс2—с3 +
Фс3—d2 + ничья.

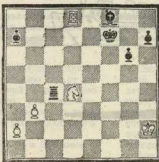
ИЗ ШАХМАТНОЙ СТАРИНЫ

Триста семидесять лет тому назад в Мадриде, при дворе испанского короля Филиппа II, состоялось шахматное соревнование, впервые носившее характер международного турнира. В нём участвовали четыре сильнейших шахматиста того времени: испанцы — священник Руй Лопес и Альфонсо Серон — и итальянцы — Джованни Леонардо и Паоло Бои. Победу в этом состязании одержал Леонардо.

Однажды с Джованни Леонардо произошла любопытная история. Одна из многочисленных в то время корсаров азия в плен несколько жителей города Кутри, откуда

ШАХМАТНАЯ «СЛЕПОТА»

В серьёзной практике мастеров встречается иногда удивительное просчеты. Чаще всего они происходят из-за недостатка времени, а точнее. Но если грубая ошибка, вызванная недостатком времени, ещё может быть оправданой, то тем курьезнее случаи, отягощенные тем же фактом к аналитическим играющим. Одна из таких любопытных ошибок была сделана в партии Эбраланде — Рагозин, играемой на X первенстве СССР в Тбилиси в 1937 году.

Находясь в сильном цейтноте, Рагозин предпринял ошибочную комбинацию. Последовало:

39... Сf8—e7

40. Jd8—d7

Черные не учли, что их слон связан, и рассчитывали после атаки ладьи отыграть её ходом 41... Сe7—d6+.

Весь зал, где собралось много зрителей, наблюдаящих за игрой, пришел в волнение. На сцену доносились возгласы наиболее темпераментных любителей, грабнивших, чтобы Эбраланде взял ладью.

Но Эбраланде, выходявшийся под гнетомом ошибки партнера, ничего не замечая. Имея достаточное время, он после некоторого раздумья отшил ладью на d6 и быстро проиграл партию...

БОЛЕСЛАВСКОМУ

Дружеский шахмат Г. Ватко

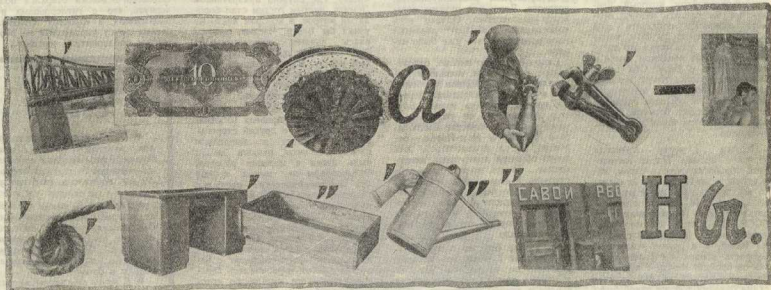
Мастер Болеславский в прошлом победителем в Ленинградском государственном шахматном чемпионате СССР.

Фигуры в атаку строем Ведёт в боевом рыцарь бравады. Он чит фамилию свою: ЧТО ни турини — то болше славы.

А. Иглицкий

ФОТОРЕБУС

Решая этот ребус, вы прочтёте один из афоризмов А. Суворова.

Ответственный редактор — Борис ВОЯТЕХОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

Непринятые рукописи не возвращаются.

АБ630.

Подписано и печатано 4/У—45 г. Формат 21x110 см 2 1/2 пч. л.

Экз. в п. л. 98.000.

Зак. 807.

Тираж 30 000 экз.

Изд. № 337.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Многие гитлеровцы, пытаясь избежать ответственности за свои преступления, объявляют себя умершими, изменяют фамилии, переезжают в другие города Германии. [Из газет].

Рис. Г. Валака.

НА СОБСТВЕННЫХ ПОХОРОНАХ.

В Московском Государственном Университете.

Фото М. Озерского.